

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 32.019.51; 327.2; 910.1; 930.1; 930.23

Фундаментальные и прикладные аспекты геополитических исследований в США и их влияние на современную практику международных отношений

Г. Н. Ланской

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская пл., 6

Для цитирования: Ланской Г.Н. Фундаментальные и прикладные аспекты геополитических исследований в США и их влияние на современную практику международных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16. Вып. 2. С. 131–150. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.203>

Статья посвящена методологии и содержанию геополитических исследований, проводимых в Соединенных Штатах Америки. Рассматриваются исторические и политические работы теоретического и практического жанра, направленные на изучение форм и направлений освоения различных территорий и управления ими. В качестве примеров, имеющих очевидную с точки зрения современного развития международных отношений актуальность, отобраны монографии и статьи, посвященные внешней политике Российской империи второй половины XIX — начала XX в. В данных историографических источниках отчетливо отразились базовые и, в частности, стереотипные формы восприятия американскими авторами тенденций развития других стран с мобилизационным типом развития и традиционные для данных авторов стратегии прогнозирования политической и в широком смысле социальной эволюции этих стран. В качестве фундаментальных аспектов, распространенных в этих научных и частично публицистических работах, в статье представлены положения о глобальной отсталости, принудительном и в связи с этим временном преодолении существующих эволюционных проблем и итоговой невозможности успешной конкуренции России и других стран с догоняющим типом развития по отношению к Соединенным Штатам Америки, Великобритании и наиболее индустриально развитым государствам континентальной Европы. К прикладным аспектам проводимых в США геополитических исследований отнесены спроектированные и представленные в них интерпретации конкретных исторических событий, а также их выбор и систематизация. Выбор объекта исследования обусловлен постоянной, вызванной, с одной стороны, развитием международных

отношений и, с другой, особенностями экспертной общественной мысли, методологической связью между научным анализом фактов и осуществляемым многими авторами решением задачи обоснования внешнеполитической стратегии государства на основе идеологически обусловленного историографического дискурса.

Ключевые слова: геополитические исследования, историографические источники, история, политическая наука, международные отношения, государственная идеология.

Введение

Геополитические исследования являются распространенной областью профессиональной деятельности как научных работников, так и занимающихся целенаправленной политической практикой. При этом качество этих исследований в значительной степени зависит от того, насколько конкретные авторы владеют, с одной стороны, теоретико-методологическим и, с другой, методическим инструментарием, необходимым для решения поставленных задач. Наряду с геополитическими исследованиями, ориентированными на изучение реальной практики функционирования государств и других акторов международных отношений в сфере освоения различных по масштабам территориальных пространств и дальнейшего управления ими, достаточно распространенным видом данного типа исследований являются историографические источники. Их особенностью является то, что в отличие от работ, ориентированных на познание и осмысление современных и футурологических процессов и базирующихся для достижения этой цели на отобранных и систематизированных в соответствии с определенной концептуальной направленностью фактах, данные тексты научного и научно-популярного жанров имеют противоположную объектную направленность. Авторы для решения исследовательских и в целом ряде случаев политических задач изучают геополитические события прошлого и при этом интерпретируют их не только с позиций принципа историзма, но также исходя из доктринальных установок, ценностных ориентаций и зачастую стереотипных взглядов, свойственных как их индивидуальному мировоззрению, так и представлениям окружающих. Цель представляемой статьи заключается в определении степени влияния научных геополитических исследований, создаваемых североамериканскими историками, на доктринальное обоснование современной практики развития международных отношений. С теоретико-методологической точки зрения ее новизна состоит в выявлении и описании фундаментальных и прикладных аспектов такого влияния, обнаруживаемых в виде концептуальных построений, мировоззренческих установок, а далее — анализа и интерпретации конкретных фактов на основе сформировавшихся у исследователей социально-политических убеждений. Исходя из избранного подхода к определению информационной базы в эмпирическом — источниковедческом — отношении новизна представляемой статьи заключается в том, что в ней отобраны и изучены геополитические исследования, созданные в виде историографических источников. При этом в качестве объекта данных исследований выбрана история геополитики Российской империи в области поиска и реализации ее суверенных интересов и в контексте развития международных отношений в период между завершающимися стадиями Крымской и Первой мировой войн.

Методология

Под теоретико-методологической базой исследований в данном случае подразумевается способность применять апробированный опытом развития научной мысли принцип объективности при обращении к конкретным фактам и процессам, а также проводить обоснованные конкретным фактическим материалом и верифицированными по содержанию источниками причинно-следственные связи между познаваемыми объектами. Методический инструментарий геополитических исследований имеет междисциплинарную основу в связи с тем, что для их осуществления привлекаются различные виды источников информации. С одной стороны, к ним относятся события и явления, реальное и затем субъективно интерпретированное содержание которых становится аргументом для проектирования историографических, а также разнообразных, в первую очередь политологических и социологических, концепций. С другой стороны, объектами геополитических исследований становятся тексты, в которых целенаправленно фиксируются истоки, мотивации и траектории геополитической деятельности; излагаются с применением различных фразеологических и лексических средств цели и содержание конкретных реализуемых или планируемых практик. В данной совокупности источников, в отличие от исторических фактов и явлений, содержится не только внешняя, непосредственно воспринимаемая информация, но и подтекстный — внутренний — уровень содержания, включающий в себя прежде всего различные элементы мировоззрения, относящиеся к инновационному и нередко в заметной части к стереотипному уровню.

В рамках представляемого исследования самым объективным, позволяющим наиболее полно раскрыть его тему, комплексом информационных ресурсов являются научно-исторические источники, поскольку они создаются с применением профессионально апробированной методологии на основании отобранных по критериям подлинности и достоверности источников для формирования как можно более полных и точных знаний о событиях прошлого. Определяя признаки информационного потенциала данных текстов, один из основателей историографии как научной дисциплины применительно к изучению российской истории, К. Н. Тарновский, писал: «Под историографическим фактом мы понимаем авторскую концепцию, с большей или меньшей четкостью и полнотой изложенную в исследовании; в нем, таким образом, доминирует системообразующее и объясняющее знание, полученное в результате анализа исторических фактов» [1, с. 10]. В то же время, учитывая междисциплинарность геополитических исследований, обусловленную, в частности, их объективной средой, и актуализацию их результатов, источниковая база данной сферы экспертной деятельности никогда не ограничивалась концентрацией на анализе достоверности конкретных документов с помощью сформированной на рубеже XIX–XX вв. позитивистской методологии. Исторически сложилось, что разработка и предложение решений рассматриваемых в этой исследовательской области проблем привлекали к себе не только обладающих соответствующей профессиональной квалификацией научных работников, но и политических деятелей, стремившихся на основе субъективной интерпретации конкретных фактов выдвинуть в сферу общественного внимания свои убеждения и ориентиры. По этой причине в середине 1970-х годов, в частности, приме-

нительно к текстам, посвященным вопросам внешнеполитической истории и развития международных отношений, специалистами было предложено широкое определение состава произведений, относимых к комплексу историографических источников, и соответственно критериев их отбора для использования в качестве научно-информационных ресурсов. Одним из наиболее известных авторов, придерживающихся данного широкого подхода к определению текстово-объектной базы, применимой для изучения в том числе истории геополитических процессов, А. М. Сахаров, обосновывая свою точку зрения, писал: «Знание становится наукой с началом исследования материала, формирования теории познания, критики исторического материала. При этом нельзя руководствоваться формальным признаком для отнесения конкретных трудов только к научным — дело вовсе не в объеме источниковой базы и, тем более, не в профессиональной принадлежности автора к ученым-историкам. Критерий здесь иной, а именно — глубина осмысления исторического явления и процесса» [2, с. 99]. Конечно, советские ученые, утверждая таким образом, что при изучении относительно недавних или продолжающихся событий обращение к работам ученых и политических деятелей, признаваемых глубоко и объективно понимающими происходящие процессы, может быть в равной степени продуктивно, решали в условиях идеологической борьбы со своими североамериканскими и западноевропейскими оппонентами прагматические задачи, привлекая в качестве историографических источников также работы К. Маркса, В. И. Ленина, других коммунистических и социалистических деятелей. Однако при этом, по существу, допускалась возможность опоры на исследования непрофессиональных историков в геополитических исследованиях, проводившихся в США, Великобритании и ряде других так называемых капиталистических стран, при несомненном признании в Советском государстве идеологической, нуждающейся в критике тенденциозности этих работ.

Степень изученности темы

Вопрос изучения историографических источников, созданных североамериканскими исследователями в жанрово-видовой форме геополитических исследований и посвященных истории Российской империи второй половины XIX — начала XX в., до настоящего времени практически не изучался ни отечественными авторами, ни их зарубежными коллегами. В период, предшествовавший определенной идеологической разрядке второй половины 1980–1990-х годов, данная ситуация объяснялась направленностью работ советских ученых на выявление и критику называвшихся «буржуазными» фальсификаций развития России, шедшего по пути к революционным событиям 1917 г. Лучшие из этих историографических исследований [3] отличались от других работ ориентацией на анализ содержания конкретных текстов и стремлением отойти от обобщающих характеристик политико-идеологической направленности, имевших социально-классовую коннотацию. В период 2000 — начала 2010-х годов в российской исторической науке наступил период комплексного, систематизированного изучения научных и научно-популярных работ североамериканских ученых, посвященных различным аспектам истории России. Одним из итогов данной работы стала подготовка не имеющего аналогов в мировой историографии учебного пособия о концепциях и направле-

ниях зарубежного россиеведения, в котором работы исследователей из США с позиций развития международных отношений и научной мысли были проанализированы соответственно Т. А. Шаклеиной и О. В. Большаковой [4]. В начале 2020-х годов в отдельных работах российских авторов, структурированных по проблемно-тематическому принципу, были предприняты попытки сравнительного изучения методологической [5] и концептуальной [6] направленности североамериканских и отечественных исследований, посвященных геополитической истории России периода, предшествовавшего образованию Советского государства.

В североамериканской историографии обзорные аналитические исследования, посвященные опыту ее представителей в сфере изучения геополитической истории России, не создавались, что, на наш взгляд, объясняется тремя причинами. Первая из них заключается в стремлении не только научных работников, но также общественных и политических деятелей формировать главным образом позитивный статус процесса и итогов развития США и тем самым применительно к различным периодам и аспектам истории конструировать представление об этой стране как об устойчивой империи глобального типа [7]. Данная теоретико-методологическая направленность, согласно разработанной С. Коэном классификации, определяет идентичность североамериканского государства как глобальной державы среди регионов геостратегического и геополитического типов.

Вторая причина связана с тем, что в своих работах и содержащихся в них теоретических моделях исследователи из США преимущественно ориентируются не на историографический, а на социологический (социально-политический) подход к изучению геополитических процессов. В связи с этим в сфере их внимания находятся относящиеся к различным эпохам глобальные объекты, специфику которых они стремятся анализировать на основе сочетания доктринальных установок и систематизированных для обоснования выдвигаемых гипотез фактов. Проявления данных когнитивных подходов можно обнаружить не только в достаточно легко поддающихся генерализирующему подходу политологических исследованиях [8], но и, например, в требующих значительной степени индивидуализации работах культурно-цивилизационной [9] объектной ориентации.

Третья причина состоит в том, что применительно к изучению геополитической истории России североамериканские исследователи были сосредоточены на обосновании и применении исключительно тоталитаристского подхода, в отличие, например, от французских ученых, отдававших предпочтение ревизионистскому [10], евразийскому [11] и экспертному геополитическому [12] подходам. Сравнительный анализ работ североамериканских и российских историков о минувших и продолжающихся в настоящее время геополитических процессах показывает, что на методологическом уровне представители североамериканской и в более широком территориальном смысле англо-саксонской школы региональных исследований, сформировавшейся в преддверии Первой мировой войны, так же как позже их коллеги в Советском государстве, придерживались достаточно удобной в применении теории идеологического детерминизма. Данный выбор означал, что, выбрав систему оценок и параметров определения перспективности внешнего и, опосредованно, внутреннего развития конкретных стран, они далее учитывали ее в том числе на архетипном уровне при анализе конкретных фактов и особенно в процессе интерпретации их значения. Применительно к геополитическим исследова-

ниям североамериканские исследователи еще в 1890-е годы [13] избрали в качестве объективного по своему эмпирическому наполнению источника типологической оценки уровня и объема стратегических возможностей конкретных государств в сфере международных отношений их способность к талассократии. На основании данного фактора определялась принадлежность страны к конкретному территориальному пространству, ее экономический потенциал и в итоге — способность ее руководителей к выполнению лидирующей или подчиненной роли в глобальных или локальных по своей значимости внешнеполитических процессах. Создание на рубеже 1950–1960-х годов стадийной теории экономического развития [14] и последующая экстраполяция ее содержания на анализ и интерпретацию особенностей развития конкретных государств [15] привели к замене пространственного подхода в сфере методологии геополитических исследований на экономико-политический, базирующийся на содержании социально-научной концепции модернизации. После исчезновения по итогам распада Советского государства биполярной системы международных отношений одной из методологических конструкций, оказывающих доминирующее воздействие на мировоззрение многих экспертов, стала доктрина гегемонизма, также сформированная в США [16]. Данная эволюция, проявляющаяся в США и в настоящее время применительно к анализу и интерпретации прошедших и происходящих событий, свидетельствует о том, что как на фундаментальном, так и на прикладном уровне геополитические исследования североамериканских ученых, независимо от их профессиональной принадлежности, отличаются тремя свойствами. Первым из них является стремление к генерализации и глобализму при типологическом оценивании любых фактов развития конкретных стран и народов. Оно определяет внедрение историографического нарратива в изначально выбранную теоретическую конструкцию, включающую в себя, в частности, уровневую систематизацию изучаемых территориально-политических образований и крупных социальных общностей. Второе свойство заключается в доктринальности и, следовательно, значительной схематичности объяснительных моделей, предназначенных для выявления причин, следствий и, соответственно, сущности исследуемых процессов и находящихся в их рамках фактов общественной жизни. Третьим свойством многих геополитических исследований североамериканских авторов, появившихся начиная с середины 1940-х годов [17], можно считать политический прагматизм, заключающийся в стремлении сформировать и представить деятелям правящего класса определенные сценарии и модели усиления влияния США и их союзников по атлантическому межрегиональному пространству на практику развития международных отношений.

Теоретические аспекты исследования

Перечисленные свойства, которые можно достаточно легко выявить в многочисленных работах обобщающего и частного, событийного характера, определяют специфику не только конкретных текстов, но и теоретико-методологической традиции, в рамках которой они создаются. Она заключается в тесном переплетении фундаментальных и прикладных аспектов развивающихся в США геополитических исследований.

К фундаментальным аспектам относятся в первую очередь те базовые представления, которые различные авторы стремятся представить и использовать в ходе анализа и интерпретации конкретных исторических фактов и явлений. Первым из них является убеждение в том, что по объективным — пространственно-географическим и производным от них политико-экономическим — причинам страны англо-североамериканского (а в ретроспективном ракурсе — англо-саксонского) блока всегда будут обладать преимуществом в достижении более высоких уровней развития. Вторым аспектом, имеющим фундаментальный и концептуально системообразующий характер, заключается в том, что данные страны всегда будут притягивать к себе союзников из большинства стран континентальной части Европы и из других регионов мира, с одной стороны, разделяя с ними преимущества своего геополитического положения и, с другой стороны, укрепляясь за счет их привлекаемого в том или ином объеме ресурсного потенциала.

Третий аспект, логически неразрывно связанный с предыдущими, состоит в том, что общими усилиями государства, интегрировавшиеся в евро-атлантическое и, при наличии соответствующих возможностей, в другие межрегиональные пространства, в которых США обладают, с точки зрения представителей правящей в них элиты, основаниями для доминирования, будут стремиться к сдерживанию интересов тех стран, руководители которых будут ставить перед собой задачу воспрепятствовать этим интеграционным и наряду с этим, по существу, доминационным процессам. Данная стратегия исходя из содержания первых двух фундаментальных аспектов будет всегда приносить в близкой или отдаленной перспективе успех, для достижения которого должны привлекаться все доступные практические и не менее значимые идеологические ресурсы.

Прикладные аспекты проводимых в США геополитических исследований заключаются прежде всего в том, что формирующиеся в их процессе наблюдения, утверждения и создаваемые на их основе теоретические суждения предназначаются для экстраполяции в сферу осуществления внешней политики и, следовательно, координации практики международных отношений. Достижение этой цели осуществляется на теоретическом уровне путем моделирования стратегических сценариев, предлагаемых и нередко воспринимаемых для практического применения. Недостатки данной направленности экспертной деятельности могут проявляться в том случае, если в их основе оказываются частично или широко представленными стереотипные и в особенности иллюзорные суждения, основанные на недооценке альтернативных возможностей развития изучаемой ситуации. В частности, применительно к изучению истории России и других стран, в которых реализовывалась мобилизующая все доступные ресурсы стратегия модернизации, североамериканские и близкие к ним по своим теоретико-методологическим убеждениям британские исследователи традиционно не учитывали возможность формирования в них суверенных политических режимов, основанных на психологической готовности различных субъектных групп к различному по степени длительности существованию в условиях авторитаризма. Применительно к анализу и интерпретации конкретных фактов прикладным аспектом геополитических исследований, проводимых в США, является описание содержания и значимости исторических событий на основе представленных выше фундаментальных теоретико-методологических аспектов сравнительного восприятия уровней и результатов развития государств

евро-атлантического и — применительно к России и СССР — евразийского межрегионального пространства. Создаваемые в рамках данной исследовательской стратегии представления о тех или иных событиях должны были, по замыслу их авторов, подтверждать оценочные теоретические положения и органично размещаться в логических схемах, связывающих прежде всего предполагаемые типологические категории с содержанием и итогами конкретного исторического процесса.

Наличие преемственной, неразрывной связи между фундаментальными и прикладными аспектами геополитических исследований в США определяет их влияние на формирование внешнеполитического курса данного государства и, следовательно, на развитие той сферы международных отношений, на которую данный курс влияет. В частности, выявление в историческом прошлом фактов успешной военной и дипломатической активности государств, обладавших значительной и укрепленной морской береговой линией (талассократией) и в связи с этим развитыми военно-морскими вооруженными силами, является обоснованием тезиса об их неизбежном доминировании в настоящее время по причине очевидного сохранения прежде существовавших пространственных возможностей. Изучение процесса формирования и укрепления Антанты, имевшей тенденцию к расширению на протяжении успешного для представлявших данный блок государств течения Первой мировой войны, использовалось в качестве доказательства фундаментального методологического тезиса о притягательности скреплявшего Антанту атлантического межгосударственного объединения для стран, находившихся на территории Европы. Прикладной анализ внешнеполитических процессов, происходивших в рамках биполярной Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, особенно в ходе кризиса и распада имевшего признаки великой державы Советского государства, становился в представлении политических деятелей и представителей экспертного сообщества в США основанием для выдвижения тезиса о закономерности нарастающего в последней четверти XX и особенно в первые десятилетия XXI в. глобального доминирования данного государства и его союзников в сфере формирования, реализации и регулирования геополитических процессов.

Обозначенные и многие другие примеры сценарного анализа происходящих и продолжающихся событий, основанного на систематизированных в соответствии с выбираемым теоретико-методологическим замыслом исторических фактах, становятся вполне очевидными при использовании не только общенаучных теоретических подходов и методов, но и специально-научной методологии. В частности, применительно к историографическому виду геополитических исследований с достаточным основанием может быть использован историко-генетический метод. В отношении процессов интеллектуальной истории он обозначает процесс происхождения и регенерации в существующих идеологических и общественно-политических условиях когнитивных установок, становящихся, как было отмечено выше, сущностной основой фундаментальных аспектов геополитических исследований. Применение проблемно-хронологического метода для изучения созданных историографических источников позволяет выявить устойчивость или, напротив, динамичность интерпретаций содержания и последствий исторических событий. В исследованиях североамериканских авторов, посвященных конкретным этапам российской истории, такого рода динамика проявлялась на протяжении всего пе-

риода с начала их фактического становления в 1960-х годах до начала XXI в. достаточно слабо по двум причинам. Первая из них заключалась в их приоритетной ориентации на изучение этапов развития Советского государства и общества в периоды руководящей деятельности В. И. Ленина [18] и И. В. Сталина [19]. Их целенаправленное исследование как в контексте всего цикла существования СССР, так и в дискретном (внеконтекстном) качестве в полной мере становилось теоретико-методологическим основанием для использования доминирующего в североамериканском руссиеведении тоталитаристского подхода. Вторая причина состояла в реализовывавшемся путем конструирования на основе композиции фактов геополитической и социальной истории кризисных моделей развития Российского государства, хронологически охватывавших бифуркационный период с начала первой русской революции до начала формирования в середине 1920-х годов на части пространства бывшей Российской империи, нового, имевшего тоталитарно-имперские признаки политического строя [20].

Практические аспекты исследования

Обращаясь к историографическим источникам, посвященным развитию Российской империи во второй половине XIX — начале XX в., следует отметить, что в качестве основных объектов изучения североамериканские исследователи выбирали преимущественно те события, которые из-за объективного недостатка имевшихся ресурсов и не критического восприятия их объема имели в целом неблагоприятные последствия для развития государства и общества. Их наибольшая значимость для выдвигания оценочных суждений объяснялась учеными из США и их британскими коллегами тем, что именно эти события, а также их логика развития и последствия вызваны глобальными политическими и экономическими свойствами России не только применительно к рассматриваемому периоду, но и по отношению к другим историческим эпохам. Кроме того, именно наличие данных свойств отличало, по мнению этих исследователей, Российскую империю от более передовых по уровню развития стран западного мира, ведущее место среди которых изначально занимали Великобритания и Франция. Поскольку эти свойства оставались неизменными на протяжении длительного времени и не претерпевали изменений даже в ситуациях социально-экономических и ограниченных рамками феодально-монархической системы политических преобразований, черты, свидетельствовавшие об отставании России от других государств, только усугублялись, что в итоге предопределило в ходе революционных событий 1917 г. не ее победу в Первой мировой войне в коалиции с другими странами Антанты, а внутренний широкомасштабный кризис. Таким образом, согласно логической схеме, отстаивавшейся североамериканскими исследователями, внешнеполитические действия представителей российских правящих кругов как в дипломатической, так и в военной сфере определялись не реальной ситуацией в сфере международных отношений и объективным восприятием своего положения в ней, а внутренними конъюнктурными обстоятельствами. Они в свою очередь заключались не в реализации насущных с точки зрения стандартов либерального развития конституционно-демократических проектов или расширения прав и полномочий новых, экономически активных по сравнению с большинством представителей дворянства социальных

слоев, а в не подвергавшемся переосмыслению намерении сохранить традиционные опорные точки государственности.

Первой из них на протяжении многих столетий являлась самодержавная модель управления, к которой, как полагают многие авторы из США и стран Западной Европы, постоянно склоняется Российское государство после стадий, характеризующихся социальной нестабильностью и ухудшением экономических условий жизни большинства населения. Стремясь объяснить органические дефекты данного административного элемента, неразрывно сочетающегося с авторитарным подходом юридически единоличного правителя и представителей его ближайшего окружения к принятию административных решений, североамериканские исследователи видели их прежде всего в невозможности принятия объективных решений без опоры на мнение стремящейся к самореализации в политической сфере и имеющей достаточный компетентностный уровень части общества. В частности, в опубликованной в начале 1970-х годов коллективной монографии «Россия вступает в двадцатый век» американские исследователи Г. Катков и М. Фётрелл описывали организационно-институциональную модель единоличного принятия внешнеполитических решений российскими императорами следующим образом: «Назначение министра иностранных дел и послов всегда оставалось прерогативой царя, хотя их работа координировалась министром. Кроме того, царь использовал своих министров и дипломатов в сношениях с другими государствами — особенно с теми, с которыми существовали династические связи» [21, с. 11]. Данная самодержавная практика подбора и назначения сотрудников на наиболее значимые в функциональном отношении должности приводила таким образом, с точки зрения североамериканских авторов, прежде всего к субъективизму конкретных правителей, особенно опасному в случае их недостаточной компетентности, которую в качестве одного из основных свойств они приписывали Николаю II. Кроме того, представленное наблюдение Г. Каткова и М. Фётрелла косвенно свидетельствовало о том, что при выборе союзников в международном геополитическом пространстве этот император руководствовался не объективной оценкой реальных перспектив взаимодействия с конкретными, обладавшими своими суверенными стратегиями государствами, а личными контактами, имевшими традиционные, по существу, исключительно формальные основания.

Руководствуясь, как было отмечено выше, исходным тезисом об исторической и не имеющей эволюционного выхода отсталости существовавшей в Российской империи самодержавной модели, североамериканские исследователи отрицательно оценивали любые намерения ее правителей выдвигать и реализовывать экспансионистские стратегии без согласования с представителями правящих кругов более развитых, с их точки зрения, западноевропейских государств. При этом они не отрицали, что, по существу, данный путь обозначал не только зависимость в принятии самостоятельных дипломатических и тем более военных решений, но и фактический отказ от какой-либо инициативности в отстаивании собственных суверенных интересов в области международных отношений. В этом контексте исследователи из США и Великобритании позитивно, в особенности по сравнению с внешнеполитическим курсом его сына, оценивали деятельность Александра III. С их точки зрения, она отличалась прагматизмом, поскольку данный правитель, согласно выбравшимся для изучения фактам, практически устранился после неудачных для Рос-

сии итогов Берлинского конгресса 1878 г. от активного участия во взаимодействии европейских стран и выбрал, нейтрально воспринимая ход данного взаимодействия, в качестве ориентира центральноазиатское и сибирское направления, не углубляясь, однако, в отличие от своего преемника, в дальневосточное пространство, где имели свои амбициозные намерения другие государства. Кроме этого, предпоследний российский император вполне обоснованно стремился выбирать для себя союзников в лице передовых по своему индустриальному уровню западноевропейских государств, руководствуясь, помимо соображений внешнеполитической тактики, стремлением привлекать в экономику управляемой им страны внешние капиталовложения, зависимости России от которых североамериканские и британские авторы посвятили многочисленные специальные исследования [22; 23].

Причиной выбора Александром III реалистичного внешнеполитического курса и достаточно мобильных геополитических предпочтений исследователи из США считали его опору на деятелей, объективно оценивавших проблемы и перспективы развития Российского государства в окружающем мире. Они, согласно мнению данных авторов, либо в целом предлагали сконцентрировать развитие страны на решении внутренних социальных проблем без выдвижения самостоятельных инициатив по существующим международным вопросам, либо стремились запланировать выгоду от недоминантного, транзитного положения между странами, относящимися к западному и к восточному межрегиональным пространствам.

Широко распространенным не только в североамериканской, но также в британской историографии является определение в качестве одного из наиболее прагматично ориентированных государственных деятелей России 1890 — первой половины 1900-х годов С. Ю. Витте, занимавшего с 1892 по 1903 г. должность министра финансов и затем до 1906 г. — председателя Комитета министров, переименованного в 1905 г. в Совет министров. Например, в своей монографии о предпосылках и ходе событий второй русской революции Р. Пайпс писал: «Витте был убежден, что Россия должна стать основным транзитным путем из Западной Европы на тихоокеанское побережье... Имея в виду эти перспективы, он убедил Александра III согласиться на строительство Транссибирской магистрали» [24, с. 12]. В отдельных исследованиях, целенаправленно ориентированных на изучение неудачных проявлений внешнеполитического курса Российской империи, С. Ю. Витте был представлен практически как единственный деятель в руководстве страны, дававший двум последним российским императорам и представителям их ближайшего окружения правильные и объективные рекомендации, несоблюдение которых, например, на дальневосточном направлении приводило к катастрофическим результатам [25]. Вместе с тем в качестве политика, скептически воспринимавшего необходимость проявления со стороны Российского государства инициативных действий в сфере мировой политики и международных отношений, некоторыми североамериканскими историками выделялся обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, чья должность, впрочем, не подразумевала принятие решений в этой сфере. Например, Р. Бирнс, посвятивший деятельности Победоносцева одну из своих монографий, высказывал наблюдение о том, что «он видел в России представителя европейской системы государств и одно из тех государств в мире, которое должно поддерживать только формальные отношения с другими. Также он не верил в то, что Россия будет активно участвовать в мировых делах» [26, с. 59]. Далее, связывая устойчи-

вость российской самодержавной модели со способностью ее руководителей прислушиваться к рекомендациям о необходимости прагматичного и осмотрительно-го по отношению к внутренней обстановке выбора стратегии в международных делах, североамериканские исследователи наряду со своими западноевропейскими коллегами приписывали итоговые неудачи проводившегося курса отсутствию достаточных административных способностей у Николая II, который после ухода из органов исполнительной власти С. Ю. Витте и смерти в 1907 г. К. П. Победоносцева остался, по их мнению, без квалифицированных советников. В частности, наличие данной ситуации констатировал при освещении объективных и субъективных предпосылок образования Советского государства М. Корт. Осуществив достаточно подробное сравнение содержания и результатов внешнеполитических действий последнего российского императора и его отца, данный автор приходил к следующему, широко распространенному в зарубежном россиеведении выводу: «Если Александр III проводил внешнюю политику, позволявшую России избежать войны, то более агрессивная политика Николая II ввергла Россию в две войны» [27, с. 53]. Констатируя очевидную прямолинейность оценки североамериканскими исследователями достижений и неудач руководителей Российского государства в геополитической деятельности, следует, однако, подчеркнуть, что скептицизм по отношению к внешней политике, кадровым решениям и в целом управленческим способностям Николая II был широко распространен и в работах многих советских ученых, обладающих общепризнанным профессиональным авторитетом. Например, он стал характерной чертой исследований П. А. Зайончковского, являющихся одними из наиболее цитируемых в зарубежной историографии. Давая однозначную негативную оценку основным направлениям политики последнего российского императора, данный автор, обращаясь к конкретным примерам, утверждал, что «основной вред, наносившийся армии императором, заключался в предоставлении права вмешиваться в дела военного ведомства как великим князьям, так и различного рода авантюристам» [28, с. 49].

Помимо самодержавной модели управления, предопределявшей специфику принятия и проведения геополитических решений в Российской империи, североамериканские исследователи выделяют еще две тесно связанных с нею качественные характеристики, которые, с одной стороны, формируют и, с другой стороны, делают нереалистичной мотивацию активности представителей органов государственной власти в международных делах. Они определяют постоянное стремление к генерированию национальных интересов, обозначаемое понятием национализма, и систематически возникающий недостаток различных видов материальных ресурсов для их практического воплощения. Выявление этих свойств и их констатация, несомненно, формируют фундамент мировоззрения не только профессиональных историков, но и представителей других интеллектуально активных социальных групп как в США, так и в других странах, относимых в настоящее время в отечественной идеологической литературе к так называемому коллективному Западу. Нередко в различных по научному уровню исследованиях, обращенных к широкому в хронологическом плане периоду — от событий Ливонской войны 1558–1583 гг. до объясняемого результатами конкуренции в холодной войне распада Советского государства и созданной в существенной мере для поддержания его авторитета организации стран-участниц Варшавского договора, — приводит-

ся своего рода циклическая модель движения от оптимистичных геополитических планов к их временной успешной реализации и далее к их крушению. Данный методологический подход, широко распространенный, в частности, при выдвигании многими экспертами и публицистами сценариев развития современной международной обстановки, обосновывался целенаправленно отбираемыми и систематизированными в предусмотренном логическом направлении фактами.

В соответствии с историографическим изложением геополитических интересов и проектов, выдвигавшихся в Российской империи в период между Крымской войной и Февральской революцией 1917 г., а также интерпретацией роли конкретных государственных деятелей в принятии управленческих решений североамериканские исследователи проводили различие между прагматическим и агрессивным типами национализма. В качестве примера выдвигения и реализации первого из названных типов они рассматривали деятельность императора Александра III в начале 1890-х годов, когда он, формально сохранив дипломатические связи с государствами, заключившими вместе с Россией «Союз трех императоров», принял вместе со своими соратниками решение о стратегическом альянсе с Францией, позволившем решить одновременно две насущные задачи — привлечение дополнительных инвестиций в наиболее значимые отрасли экономики и интеграцию в состав Антанты. В начале 1970-х годов данную точку зрения высказал Дж. Кеннан, пришедший на основании систематизированных им фактических данных к следующему выводу: «Радикальный национализм в 80–90-е годы проявлялся и провозглашался не только в национальной, но и во внешней политике. Франко-русский альянс служил не только финансовому, но в не меньшей степени и политическому интересу» [29, с. 15]. В целом движение российского внешнеполитического курса в сторону союза с Францией интерпретируется в североамериканской историографии в качестве своего рода стратегического в практическом и идеологическом смысле поворота. Распространенность данной точки зрения, очевидно, объясняется комплексом причин исторического и экономического плана.

Первой из них является стереотипное для североамериканских и британских исследователей представление, в соответствии с которым взаимодействие Российской империи с Пруссией и далее с Германской империей, а также с Австро-Венгрией, ассоциировалось с проявлениями консерватизма, характерными, например, для Священного союза и отчасти, в связи с кратковременностью существования данного альянса, для «Союза трех императоров». Вторая причина заключалась в том, что Франция второй половины XIX в., так же как и Британская империя, на априорном уровне рассматривалась в качестве государства с наиболее высоким уровнем экономического развития и, соответственно, с более значительными инвестиционными ресурсами по сравнению с другими странами Европы, что делало ее привлекательным партнером для России, имевшей, согласно практически консолидированному мнению «западных» историков, «догоняющий» тип развития. На рубеже 1980–1990-х годов, когда по аналогии с современными для данных хронологических границ событиями в рамках различных этапов российской истории зарубежные ученые стали выявлять признаки перестройки, определенный стратегический поворот во внешнеполитическом курсе России 1891–1894 гг. был идентифицирован в качестве сдвига, имевшего радикальное содержание и долгосрочные последствия. В частности, в опубликованной в 1992 г. монографии под характерным заголовком

«Перестройка при царях» североамериканский исследователь У. Мосс констатировал, что применительно к сфере взаимодействия с западноевропейскими странами «первое изменение в пореформенной ситуации было связано с дипломатической революцией, совершившейся в начале 90-х годов. Более значительный по своим финансовым аспектам новый русско-французский альянс 1894 г. более решительно обусловил вступление России в стадию перестройки» [30, с. 87]. Таким образом, прагматичный тип национализма выявлялся североамериканскими исследователями применительно к внешнеполитической деятельности руководителей Российского государства в способности выбрать среди стран Западной Европы более перспективных партнеров с экономической и, следовательно, административной точек зрения и далее стремиться согласовать свои интересы в области международных отношений с задачами, которые ставят перед собой лидеры этих стран.

Стремление в противоположном направлении, проявляющееся в планировании и реализации собственных задач с опорой на свои ресурсы, интерпретировалось соответственно в качестве проявления агрессивного национализма, основанного, согласно выдвигавшимся априорным утверждениям, на ошибочной оценке своих возможностей и ресурсов. По сравнению с советскими историками, ограничивавшимися практически во всех своих работах рассмотрением идеологического контекста геополитической репрезентации интересов Российской империи в активном решении «восточного вопроса» и с конца XIX в. на дальневосточном направлении [31], североамериканские исследователи руководствовались убеждением в том, что все попытки самостоятельных действий в международных делах (прежде всего это относится к Николаю II и его ближайшему окружению) имели катастрофические последствия.

Одним из наиболее ярких примеров данного, имеющего широкое распространение среди ученых США и стран Западной Европы теоретико-методологического подхода стала опубликованная в 1986 г. в Нью-Йорке монография У. Б. Линкольна под выразительным заголовком «Движение к Армагеддону: Русские в войне и революции, 1914–1918» [32]. Обосновывая свою точку зрения, данный исследователь писал о том, что по сравнению с руководителями стран — будущих участниц Первой мировой войны, также изначально недооценивавшими масштабы и последствия данного конфликта, деятели правящих кругов Российской империи отличались особенно высоким уровнем недальновидности. Представляя в начале своего исследования общую ситуацию развития не только военной промышленности, но также других экономических отраслей и инфраструктурного потенциала Российского государства, он делал применявшийся также к изучению истории Крымской войны и других неудачных кампаний вывод о комплексной неэффективности и, следовательно, неподготовленности руководителей страны к реализации вооруженным путем собственных интересов в приближавшемся международном конфликте. На основании отобранных и систематизированных фактических данных У. Б. Линкольн констатировал, что «хотя иностранные и отечественные эксперты соглашались с тем, что автоматы российской пехоты находятся среди лучших в мире, устаревшие стратегические схемы ее консервативных военачальников лишали возможности использовать эти преимущества» [32, с. 23]. Таким образом, даже при обнаружении каких-либо достоинств российской армии (например, в ее оснащении) североамериканские исследователи, как правило, выявляли для обоснования своих

базовых теоретико-методологических представлений ее недостатки, имевшие в результате решающее значение.

Своего рода квинтэссенцией экспертных геополитических представлений исследователей из США об особенностях развития России на рубеже XIX–XX вв. является обширная исследовательская литература о событиях Русско-японской войны 1904–1905 гг. Очевидной причиной выбора объекта исследования были не только выявившиеся в процессе данного конфликта превосходство подготовленных, главным образом, британскими специалистами японских военнослужащих над российскими и недостаточная конкурентоспособность Российской империи даже в такого рода локальных противостояниях, но и то, что события этой войны в полной мере вписывались в общую интерпретационную модель, характерную для исследований североамериканских авторов. В ее рамках на примере рассматриваемой военной кампании показывались, с одной стороны, объяснимые широким кругом внешних и внутренних причин надежды военных и гражданских руководителей России на победу в казавшемся достаточно легким противостоянии и, с другой стороны, невозможность их воплощения по причине наличия неразрешимых социальных, кадровых, экономических и иных проблем.

При доказательстве обоснованности вступления Российского государства в войну с Японией североамериканские авторы констатировали, что Дальневосточный регион (в частности, по причине отсутствия у действовавших в нем предпринимательских структур потенциала для реализации своих экономических интересов в Европе и Северной Америке) выглядел не только наиболее привлекательным, но, по существу, безальтернативным пространством для самореализации и получения прибыли. Например, в статье Г. Каткова и М. Фётрелла отмечалось, что «европеизация Японии, ее стремление к экспансии и ослаблению континентального побережья; войны с Японией и Кореей создавали новую ситуацию и фиксировали внимание российской внешней политики на Дальнем Востоке» [21, р. 25]. Далее, аргументируя свою концепцию, североамериканские исследователи констатировали достоверный факт недооценки ресурсного потенциала будущих противников не только широкими слоями населения, не вполне разбиравшимися в военной и политической ситуации, но и руководителями Российского государства. В частности, согласно наблюдению Р. Пайпса, «русские хотя и были обеспокоены японскими приготовлениями, но ничего не делали для предотвращения развития осложнений. Они придерживались пренебрежительного мнения о японцах» [24, с. 14]. В качестве глобального объяснения такой недооценки выдвигалась приверженность агрессивному типу национализма, одной из отличительных характеристик которого является то, что оценка имеющихся у потенциального геополитического оппонента ресурсов далеко не всегда подкрепляется объективным их изучением, а также приверженность следующим из данной мировоззренческой ситуации убеждениям до возникновения уже практически непоправимой ситуации.

Согласно типичной для большинства работ не только североамериканских, но и западноевропейских исследователей точке зрения, в Российском государстве и обществе не было никаких реальных условий для достижения итогового успеха в противостоянии не только с Японией, но и с ее союзниками, фактически доминировавшими в атлантическом и тихоокеанском межрегиональных пространствах, в том числе по реальным географическим причинам. Помимо традиционных на-

блюдений об экономической отсталости и материальной несамодостаточности России, более широко представленных в работах британских авторов [33], ученые из США делали акцент на более глубинных по своей сущности проявлениях кадровой некомпетентности и социальной дезинтеграции, которая в свою очередь разрушала признаваемый одним из важнейших свойств русской нации коллективный патриотизм. Например, в одной из наиболее значительных по объему и проблемно-тематическому охвату монографии о событиях Русско-японской войны ее авторы Д. Уорнер и П. Уорнер делали следующее выразительное в содержательном отношении наблюдение: «Во главе Тихоокеанского флота стоял вице-адмирал О. В. Старк — престарелый, популярный и безрассудный человек. Подчиненный ему флот был хорошо известен своими пьянствовавшими матросами, валявшимися на палубах после бурных ночей. Адмирал Старк мог уделять значительное внимание общественным делам, пренебрегая своими прямыми обязанностями» [34, с. 10]. В других исследованиях североамериканскими исследователями формировалась еще более широкая картина внутреннего интеллектуального и психологического кризиса в российском обществе, дополнительным элементом которой, безусловно, являлась первая русская революция 1905–1907 гг. По существу, в данном случае исследования зарубежных авторов тесно пересекались по содержанию и направленности с произведениями большевистской и, с рубежа 1910–1920-х годов, советской историографии. Наиболее полно среди работ, созданных в США, образ внутренне дезорганизованной и, соответственно, не подготовленной к внешним патриотическим достижениям Российской империи был представлен в монографии Э. М. Вернера, подготовленной и опубликованной в Принстонском университете, и имел следующее содержательное наполнение: «Некоторые группы русского общества — рабочие, студенты, интеллигенция, городские “профессионалы”, либеральное дворянство — окончательно воссоединились в тот момент, когда российское самодержавие проявило свою неспособность к решению новой для государства задачи — сохранения территориальной целостности в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.» [35, с. 3]. Представленная таким образом социально-политическая реальность рассматривалась в качестве перманентного явления, трансформировавшегося в результате в распад Российской империи в силу объективно существовавшего нарастания оппозиционных настроений в широких слоях общества по отношению к монархической форме управления страной.

Заключение

Представленный обзор содержащихся в работах североамериканских исследователей представлений об особенностях военного, дипломатического и в глобальном смысле внешнеполитического развития Российской империи между событиями Крымской войны 1853–1856 гг. и второй русской революции, одним из итогов которых стало по меньшей мере безрезультатное завершение участия России в Первой мировой войне, является наглядным отражением фундаментальных и прикладных особенностей геополитических исследований в США. Такой вывод можно сделать не только исходя из присущего данным исследованиям американо-британского восприятия международных отношений, окончательно сформировавшегося на рубеже 1890–1900-х годов, и участия в них различных государств, но и в связи

с тем, что содержащиеся в них типологические характеристики переносятся на различные исторические ситуации. В частности, выдвигание в качестве передового образца модели развития стран атлантического межрегионального пространства, в управлении которой на протяжении XX в. лидерство постепенно перешло от Великобритании к США, и отнесение альтернативных трансформационных стратегий к «догоняющему», отсталому и, по существу, исторически бесперспективному типу наглядно проявляется в настоящее время не только в процессе описания, но и в сфере прогнозирования будущих геополитических процессов. Отбор, систематизация, изложение и субъективная интерпретация исторических фактов становятся прикладным средством для обоснования стереотипов, имеющих давнее происхождение и потому утвердившихся как на рациональном, так и, по существу, на подсознательном уровне в сознании широкого круга людей, в который наряду с так называемыми рядовыми гражданами входят также обладающие масштабным влиянием политические деятели и представители экспертного сообщества.

Литература

1. Тарновский, К. Н. (1990), *Социально-экономическая история России: Начало XX в.: Советская историография середины 50-х — начала 60-х годов*, М.: Наука.
2. Сахаров, А. М. (1974), О предмете историографических исследований, *История СССР*, № 3, с. 90–112.
3. Зырянов, П. Н. и Шелохаев, В. В. (1976), *Первая русская революция в английской и американской буржуазной историографии*, М.: Мысль.
4. *Зарубежное россиеведение*: учеб. пособие, ред. Безбородов, А. Б., М.: Проспект, с. 328–397.
5. Ланской, Г. Н. (2020), Геополитическая методология в исторических исследованиях, в: *Сборник научных статей XXII Международной научной конференции «Россия и Запад: Диалог культур»*, М.: Центр по изучению взаимодействия культур, с. 191–199.
6. Ланской, Г. Н. (2021), Геополитические репрезентации внешней политики России в отечественных и зарубежных историографических источниках, в: *Исторические записки*, М.: Отделение историко-филологических наук РАН, с. 242–253.
7. Согрин, В. В. (2022), *Американская империя. Происхождение. Этапы. Современность*, М.: Международные отношения.
8. Engdahl, F. W. (2008), *Full Spectrum Dominance. Totalitarian Democracy in the New World Order*, Third Millennium Press.
9. Хантингтон, С. Ф. (2003), *Столкновение цивилизаций*, пер. с англ., М.; СПб.: АСТ.
10. Werth, N. (1992), *Histoire de l'Union Sovietique: De l'Empire Russe a la Communaute des Etats Independantes, 1900–1991*, Paris: Presses Universitaires de France.
11. Карпер д'Анкокс, Э. (2010), *Евразийская империя = L'Empire de l'Eurasie: история Российской империи с 1552 года до наших дней*, пер. с фр., М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина».
12. Lacoste, Y. (2006), *Geopolitique de la Mediterranee*, Paris: A. Colin.
13. Mahan, A. T. (1890), *The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783*, Boston: Little, Brown and Co.
14. Ростоу, У. У. (1961), *Стадии экономического роста*, Нью-Йорк: Фредерик А. Пререп.
15. Schanin, T. (1986), *Russia as a Developing Society (The Roots of Otherness — Russia's Turn of Century)*, vol. 1–2, New Haven, London: Yale University Press.
16. Бжезинский, З. (1998), *Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы*, пер. с англ., М.: Международные отношения.
17. Spykman, N. J. (1944), *The Geography of the Peace*, Harcourt: Brace.
18. Gregory, P. R. (2008), *Lenin's brain and other tales from the secret Soviet archives*, Stanford, California: Hoover Institution Press.
19. Goldman, W. (2007), *Terror and democracy in the age of Stalin: the social dynamics of repression*, Cambridge: Cambridge University Press.
20. Sanborn, J. A. (2003), *Drafting the Russian nation: military conscription, total war and mass politics, 1905–1925*, DeKalb: Northern Illinois University Press.

21. Katkov, G. and Futrell, M. (1971), *Russian Foreign Policy, 1880–1914*, in: Oberlander, E. (ed.), *Russia enters the Twentieth Century*, London: Temple Smith Publ., pp. 8–34.
22. Von Laue, T. (1963), *Sergei Witte and the problems of industrialization of Russia*, New York: Columbia University Press.
23. McKay, J. (1970), *Pioneers for profit: Foreign entrepreneurship and the Russian industrialization*, Chicago: University of Chicago Press.
24. Pipes, R. (1990), *The Russian Revolution, 1899–1919*, London: Knopf.
25. Westwood, J. N. (1986), *Russia against Japan, 1904–05: A new look at the Russo-Japanese war*, London: Macmillan.
26. Byrnes, R. F. (1969), Russian conservative thought before the Revolution, in: *Russia under the last tsar*, Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 42–68.
27. Cort, M. (1993), *The Soviet Colossus: The rise and fall of the URSS*, Armonk, London: Sharpe.
28. Зайончковский, П. А. (1973), *Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий*, М.: Мысль.
29. Kennan, J. (1990), The Russian Revolution and Bolshevik Victory: Causes and Processes, in: *The Russian revolution and bolshevik victory: visions and revisions*, rev. and ed. by Suny R. and Adams, A. 3rd ed., Lexington, M. A.; Toronto: Heath, pp. 10–34.
30. Mosse, W. E. (1992), *Perestroika under the tsars*, London, New York: Tauris.
31. *Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в.* (1978), М.: Наука.
32. Lincoln, W. B. (1986), *Passage through Armageddon: The Russians in war and revolution, 1914–1918*, New York: Simon and Schuster.
33. Gatrell, P. (1994), *Government, industry and rearmament in Russia, 1900–1914: The last argument of tsarism*, Cambridge: Cambridge University Press.
34. Warner, D. and Warner, P. (1974), *The tide at sunrise: A history of Russo-Japanese war, 1904–1905*, New York: Charterhouse.
35. Verner, A. M. (1990), *The crisis of Russian autocracy: Nicholas II and the 1905 revolution*, Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2023 г.;
рекомендована к печати 13 марта 2023 г.

Контактная информация:

Ланской Григорий Николаевич — д-р ист. наук, проф.; gri_lanskoi@list.ru

Fundamental and applied aspects of geopolitical studies in USA and their influence on contemporary practice of international relations

G. N. Lanskoj

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya pl., Moscow, 125047, Russian Federation

For citation: Lanskoj G. N. Fundamental and applied aspects of geopolitical studies in USA and their influence on contemporary practice of international relations. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2023, vol. 16, issue 2, pp. 131–150. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.203> (In Russian)

Paper is devoted to methodology and content of geopolitical studies realizing in United States of America. In their complex are analyzing historical and political studies of theoretical and practical type oriented to analysis of forms and directions of expansion and governance of different territories by state power institutions. In quality of examples having from point of contemporary development of international relations evident actuality in paper are selected monographs and articles devoted to external policy of Russian Empire in period of second half of 19th and beginning of 20th century. In content of these historiographical sources were

precisely presented basic and partially stereotype forms of attraction by American authors of tendencies of development of other countries with mobilizational type of transformation and traditional for studies of these authors strategies forecasting of political and in large meaning social evolution of these countries. In quality of fundamental aspects diversified in these scientific and partly journalistic works in paper are presented points about global backwardness, forced and in this occasion temporary overcoming of existing evolutionary problems and final impossibility of successful concurrence of Russia and other countries with catching type of development with United States of America, Great Britain and mostly industrially developing states of continental Europe. To applied aspects of geopolitical studies realizing in USA in paper were referred interpretations of concrete historical events projected and presented in them and also their choice and systematization. This definition of studying object is conditioned by methodological connection between scientific analysis of facts and from one part by development of international relations and from other part by realizing by many authors decision of task of explaining external political strategy of state on base of ideologically determined historiographical discourse caused from one part by development of international relations and from other part by specific features of expert social mind.

Keywords: geopolitical studies, historiographical sources, history, political science, international relations, state ideology.

References

1. Tarnovskiy, K. N. (1990), *Social and economical history of Russia: Beginning of XX century: Soviet historiography of middle 50 — beginning of 60 years*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
2. Sakharov, A. M. (1974), About subject of historiographical studies, *Istoriia SSSR*, no. 3, pp. 90–112. (In Russian)
3. Zyryanov, V. V. and Shelokhayev, V. V. (1976), *First Russian revolution in British and American historiography*, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
4. *Foreign studies about Russia*: textbook, Bezborodov, A. B. (ed.), Moscow: Prospekt Publ., pp. 328–397. (In Russian)
5. Lanskoj, G. N. (2020), Geopolitical methodology in historical studies, *Community of scientific papers of XXII International scientific conference "Russia and West: Dialogue of cultures"*, Moscow: Tsentr po izucheniuiu vzaimodeistviia kul'tur Publ., pp. 191–199. (In Russian)
6. Lanskoj, G. N. (2021), Geopolitical representations of Russian external policy in domestic and foreign historiographical sources, in: *Istoricheskie zapiski*, Moscow, Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk RAN Publ., pp. 242–253. (In Russian)
7. Sogrin, V. V. (2022), *American empire. Origin. Stages. Contemporary period*, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
8. Engdahl, F. W. (2008), *Full Spectrum Dominance. Totalitarian Democracy in the New World Order*, Third Millennium Press.
9. Huntington, S. F. (2003), *Clash of civilizations*, Moscow; St. Petersburg: AST Publ. (In Russian)
10. Werth, N. (1992), *Histoire de l'Union Sovietique: De l'Empire Russe a la Communaute des Etats Independantes, 1900–1991*, Paris: Presses Universitaires de France.
11. Carrere d'Encausse, H. (2010), *Eurasian empire = L'Empire de l'Eurasie: history of Russian empire from 1552 until our days*, Moscow: ROSSPEN; President B. N. Yeltsin Centre Foundation Press. (In Russian)
12. Lacoste, Y. (2006), *Geopolitique de la Mediterranee*, Paris: A. Colin.
13. Mahan, A. T. (1890), *The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783*, Boston: Little, Brown and Co.
14. Rostow, W. W. (1961), *Stages of economical growth*, New York: Frederik A. Preger. (In Russian)
15. Schanin, T. (1986), *Russia as a Developing Society (The Roots of Otherness — Russia's Turn of Century)*, vol. 1–2, New Haven; London: Yale University Press.
16. Bzhezinskiy, Z. (1998), *Great chess desk: Domination of America and its geostrategic imperatives*, trans. from English, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
17. Spykman, N. J. (1944), *The Geography of the Peace*, Harcourt: Brace.
18. Gregory, P. R. (2008), *Lenin's brain and other tales from the secret Soviet archives*, Stanford, California: Hoover Institution Press.

19. Goldman, W. (2007), *Terror and democracy in the age of Stalin: the social dynamics of repression*, Cambridge: Cambridge University Press.
20. Sanborn, J. A. (2003), *Drafting the Russian nation: military conscription, total war and mass politics, 1905–1925*, DeKalb: Northern Illinois University Press.
21. Katkov, G. and Futrell, M. (1971), Russian Foreign Policy, 1880–1914, in: Oberlander, E. (ed.), *Russia enters the Twentieth Century*, London: Temple Smith Publ., pp. 8–34.
22. Von Laue, T. (1963), *Sergei Witte and the problems of industrialization of Russia*, New York: Columbia University Press.
23. McKay, J. (1970), *Pioneers for profit: Foreign entrepreneurship and the Russian industrialization*, Chicago: University of Chicago Press.
24. Pipes, R. (1990), *The Russian Revolution, 1899–1919*, London: Knopf.
25. Westwood, J. N. (1986), *Russia against Japan, 1904–05: A new look at the Russo-Japanese war*, London: Macmillan.
26. Byrnes, R. F. (1969), Russian conservative thought before the Revolution, in: *Russia under the last tsar*, Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 42–68.
27. Cort, M. (1993), *The Soviet Colossus: The rise and fall of the URSS*, Armonk; London: Sharpe.
28. Zayonchkovskiy, P. A. (1973), *Autocracy and Russian army in boundary of XIX–XX centuries*, Moscow: Mysl Publ. (In Russian)
29. Kennan, J. (1990), The Russian Revolution and Bolshevik Victory: Causes and Processes, in: *The Russian revolution and bolshevik victory: visions and revisions*, rev. and ed. by Suny R. and Adams, A., 3rd ed., Lexington, M. A.; Toronto: Heath, pp. 10–34.
30. Mosse, W. E. (1992), *Perestroika under the tsars*, London; New York: Tauris.
31. *Eastern question in external policy of Russia. End of XVIII — beginning of XX century* (1978), Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
32. Lincoln, W. B. (1986), *Passage through Armageddon: The Russians in war and revolution, 1914–1918*, New York: Simon and Schuster.
33. Gatrell, P. (1994), *Government, industry and rearmament in Russia, 1900–1914: The last argument of tsarism*, Cambridge: Cambridge University Press.
34. Warner, D. and Warner, P. (1974), *The tide at sunrise: A history of Russo-Japanese war, 1904–1905*, New York: Charterhouse.
35. Verner, A. M. (1990), *The crisis of Russian autocracy: Nicholas II and the 1905 revolution*, Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Received: February 5, 2023

Accepted: March 13, 2023

Author's information:

Grigorii N. Lanskoj — Dr. Sci. in History, Professor; gri_lanskoi@list.ru